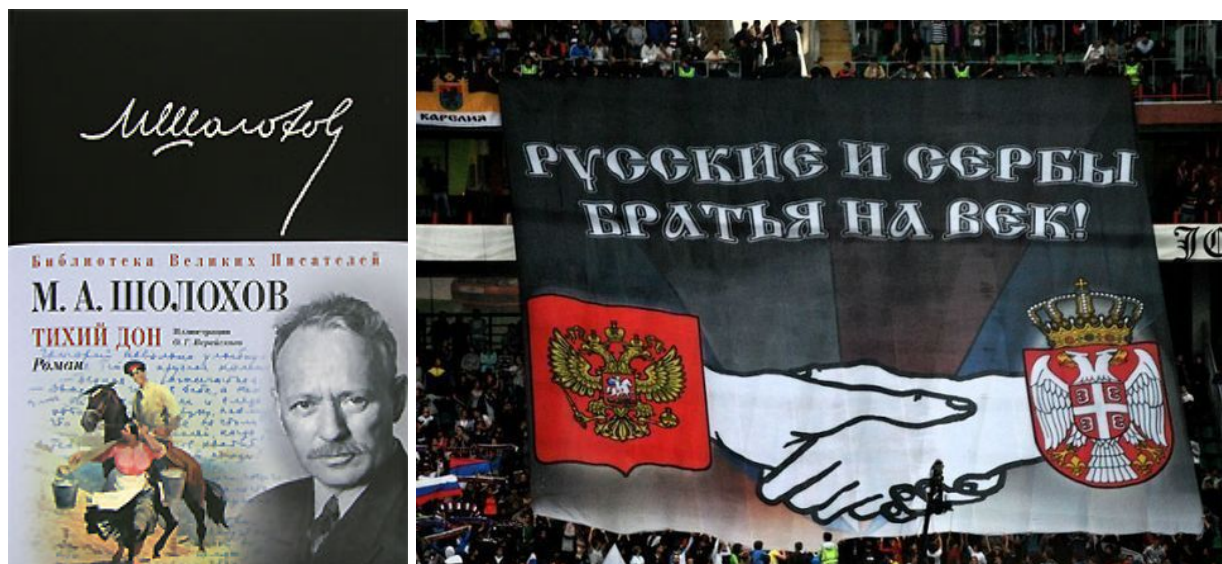

ДУХ ПРАВОСЛАВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА ШОЛОХОВА ГЛАЗАМИ ЕГО СЕРБСКОГО ЧИТАТЕЛЯ И ПОПУТНЫЕ МЫСЛИ

Драгомир М. Давидович

Оба наших братских народа тяжело ранены и находятся под оккупацией. Нам остается вместе и в катакомбах (ведь нынешние государственные институты преимущественно таковы, что лучше держаться подальше от них) – посвятить себя задаче создания новой элиты, для которой главной ценностью в жизни будет не прибыль, а святая триада Истина, Добро и Красота.

Можем же и мы сказать, лишь немного парафразируя заключительное предложение «Тихого Дона», эта задача – это все, ... что пока еще роднит нас с русской землей – со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром.

Как только я в теперь уже столь далекие годы своего раннего детства, а это годы сразу же после окончания второй мировой войны, встретился с книгами Михаила Шолохова, он сразу же стал не только моим любимым писателем, но даже более того – будто самым родным, знающим нашу жизнь и ее боль, и глубоко сочувствующий в этом. Что это была за жизнь и как это было возможно?

В те годы наша семья жила в небольшом городке на севере Воеводины, до Первой мировой войны находящемся под австро-венгерской властью. После той войны, в пригороде поселились сербы из сербских земель, аннексированных в 1908 г. Австро-Венгрией (т.е. когда после восстания сербов там на смену турецкого рабства пришло австро-венгерское), которые во время войны добровольцами в сербской армии воевали за освобождение сербов. Данная часть городка называлась «Колония». Рядом с этой колонией находилась другая, в которой жили русские эмигранты, после Октябрьской революции нашедшие прибежище среди сербов. Во второй мировой войне все эти добровольцы, которые еще могли носить оружие, были четниками.

Четники были добровольными боевыми подразделениями с многолетней свободолюбивой традицией у сербов. Они помогали сербскому народу в оккупированных сербских землях. По-русски можно сказать «четники были партизанами», но по-сербски это сейчас звучит бессмысленно, так как сторонники Тито – *титоисты* это слово присвоили себе, что является очередной их мистификацией и обманом. Тех, кто вернулся живым с войны, новые власти либо расстреляли, либо отправили на многолетнюю каторгу. В новых условиях жизнь двух упомянутых «колоний», по сути, представляла лишь два лица одного и того же несчастья. Почти все сербские дети, родители которых были четниками, остались сиротами, а их отцов называли «домашними предателями», (аналог советских «врагов народа»), и соответственно к ним относились. Русская же сторона получила такую же власть, от какой она и бежала из своей страны.

Вот почему мы восприняли как свою уже первую страницу «Тихого Дона»

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
Материнскими слезами.

(Говорю в первом лице множественного числа потому, что тогда мы книги читали по сути вместе с близкими.) Но человек в детском возрасте читает медленно, и после первой прочитанной страницы возникала надежда и тревога – что же и как будет впредь? В те годы было много переведенных русских книг разных авторов; в одной из них, имени ее автора я уже не помню, положительный герой пострадал, но до этого его приняли в КПСС, так что автор пришел к выводу – человек, принятый в партию, становится в человеческом смысле бессмертным. А что если и этот Шолохов в дальнейшем окажется подобным тому?

Это было важно потому, что новая власть, сначала имевшая поддержку СССР, хоть и провозгласила до тех пор небывалое в мире равенство и братство – с четническими сиротами обращалась с ненавистью и вовсе без сочувствия, будто эти дети боролись против нее.

Например, когда пионерам в школе торжественно вручали пионерские галстуки и пилотки «титовки», детям четников их не давали. Если бы только можно было на подобном «празднестве» не присутствовать! Отдельные девочки плакали, но и парни не были далеки от этого. Кроме того, если кто-то и знал, где погиб его родственник четник и где его погребли, то вплоть до недавнего времени похороны на кладбище не допускались, уж и не говоря об отпевании. Поэтому мы потом, после прочтения и других произведений Шолохова, приняли близко к сердцу его слова, хоть и высказанные в ином контексте

...Вот и отпели ... соловьи дорогим моему сердцу ..., отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то ... Вот и все!

А безбожные власти и предательские элиты не довольствовались массовым уничтожением четников, но их также оболгали, охаивали и демонизировали. И официальная советская власть внесла серьезный вклад в это. Она, например, всех оставшихся в живых хорватских усташей, которые, и сами будучи фашистами, как завоеватели с немецкими фашистами дошли до самого Сталинграда, передела в другие униформы и вернула их как авангардных коммунистов. Они занимали ответственные должности в титовской Югославии, оставаясь при этом тем, кем они и были, только в иной форме.

Та же советская власть, когда в Сербию вошла Красная армия, встреченная и народом и четниками как армия братского народа, разоружила сербских четников и сдала их на милость титовской армии, под конец войны состоявшей преимущественно из переодетых усташей. А в Москве по сей день имеется площадь Иосипа Броз Тито, величайшего злодея православного сербского народа.

Но, вернемся к «Тихому Дону».

Так же как и с первой страницей, и потом мое отношение с книгой, в особенности с главным героем Григорием Мелеховым, оставалось очень близким. Именно, у нас во дворе имелось много разных домашних животных, и все они, пока были маленькими, любили играть с нами. И однажды мой лучший друг нечаянно наступил на гусенка. Было такое горе, какое, кажется, лишь в детстве возможно. И вдруг, Гриша Мелехов также, на косьбе

почувствовал, как коса прошла по чему-то вязкому. Нагнулся посмотреть: из-под ног с писком заковылял в травку маленький дикий утенок. Около ямки, где было гнездо, валялся другой, перерезанный косой надвое, остальные с чулоканьем рассыпались по траве. Григорий положил на ладонь перерезанного утенка. Изжелта-коричневый, на днях только вылупившийся из яйца, он еще таил в пушке живое тепло. На плоском раскрытом клювике розовенький пузырек кровицы, бисеринка глаза хитро прижмурена, мелкая дрожь горячих еще лапок.

Григорий с внезапным чувством острой жалости глядел на мертвый комочек, лежавший у него на ладони.

Так как в романах взрослеют значительно быстрее, чем в жизни, мы потом стали следить за ним как за старшим братом, отцом или дядей. А имел он все ценности, которые у сербов любят и уважают: и храбрость и справедливость героев сербского эпоса, и действенную склонность защищать слабых и поставленных под угрозу, как например изнасилованную женщину, разоруженного вражеского солдата, разоруженного уже своего офицера, но находящегося по ту сторону фронта гражданской войны. Он проявлял и понимание и

критичность и к позициям противоположных сторон, и оттуда его переходы и туда и сюда. И он наверняка понял бы и одобрил отношение к любому убитому того старика, который

приехал с ближнего хутора ..., вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежооструганном дубовом устье часовню.

Под треугольным навесом ее в темноте теплился скорбный лик божьей матери, внизу на карнизе навеса мохнатила черная вязь славянского письма:

В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата.

И также, как реально существовали «сербские» Толстые (знаменитый лингвист Н. И. Толстой, например), среди сербских четников существовали люди наподобие Григория Мелехова. Он имел много характерных черт и поступков во время войны, подобных тому, что нам совсем независимо от Шолохова рассказывали о наших покойных отцах наши матери и тети. Но тихо и в укромном месте, так как громко это нельзя было говорить, ведь даже за пение старинных сербских песен, которые новой власти не нравились, можно было попасть на каторгу и в одиночную камеру, а за представление четников как человеческих существ можно было поплатиться головой.

А вот, великий писатель великого народа, заговорил о боли и несчастье, таких же, как и наши, причем во весь голос!

И мы чувствовали как сквозь его слова чудесным образом струится голос Того, обещавшего нам

... Я умолю Отца, и дастъ вам другого Утешителя... Духа истины ... Не оставлю вас сиротами...

А потом, когда началась травля Шолохова, а мы уже повзрослели, мы верили, что это – травля духа истины. Оказалось, что мы были правы. За весь этот подход Шолохова с любовью ко всему живому, мы его считали истинно православным человеком. Говорили нам всякие, что он был атеистом. Но такие же говорили и про любого более-менее серьезного ученого, открыто исповедовавшего религиозные убеждения, что он на деле стихийный материалист. Почему же тогда и одному Шолохову не быть *стихийным* православным!

Возможно, можно и так сказать – как бы там ни было, исход вроде один. Ибо, с убийства последнего православного русского царя, там где теперь принимались решающие решения, от православия более не осталось ни слуху, ни духу. Как же иначе можно объяснить поведение советской власти к православным сербам в конце Второй мировой войны? Как иначе можно объяснить поведение теперь уже власти России в 1999 году, « ... т.к. её руками сербов заставили капитулировать на унижительных американских условиях. Именно так это останется в истории...» (Елена Гуськова)?

И потом, когда слышим от нынешних официальных российских властей, что они не могут быть больше сербами чем сербы сами, и что сербы сами должны избрать свой путь (причем после «братской» помощи официальной России в 1999 году!), то мы должны

напомнить им, если это вообще имеет смысл, что это есть позиция Пилата. А когда говорят: если потеряют Сербию, то вместо нее легко найдут иного партнера, мы должны напомнить им о нашем и их Пушкине и его Евгении Онегине. Тот в жизни, несомненно, нашел много партнерш, но Пушкин не считал целесообразным это описывать, ибо не занимался порнографией, ни обыкновенной ни политической, но Татьяну он потерял навсегда.

Спрашивается: куда же делись или затерялись православные русские люди, каких мы из книг знали и каковыми несомненно были авторы тех книг, но с какими мы в детстве и жили рядом, и друг с другом, и любили, понимали и уважали как мы их, так и они нас. А те наши русские соседи из городка моего детства даже в своем трагическом положении сохранили любовь к своему отечеству и в нас усилили любовь к нему.

К слову сказать, нет больше в том городке ни одной ни другой колонии! И теперь у меня вот, наподобие какого-то шпиона и предателя, навязчиво вертится в голове предложение Максима Горького

– Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?

Когда в Марселе в 1934 году, был убит сербский король Александр, в покушении, организованном усташеской и международной фашистской сетью, Николай Рерих записал

«Жизнь героя ведет человечество. Как исток вдохновений, как мера прекрасного, как побудитель мужества, – так звучит голос истинного героизма. Кто же скажет, что этот светлый зов не звучал во всю жизнь Короля Александра? Кто же не почерпал вдохновения к добру, узнав, как бесстрашно и мужественно боролся король-рыцарь за Родину, за Всеславянство, за дорогую ему Русь, за добро и строение!

... Как бы люди ни горевали о потере его, все же еще недостаточно можно оценить незаменимую утрату. ... *Когда стране угрожало разделение – именно он принял на себя всю тяжесть единоличных обязанностей...»*

Малая советская энциклопедия совсем вкратце указывает: «Александр установил *монархо-фашистскую (!) диктатуру*». А покушение на него, совершенное руками фашистов, даже не упоминается.

Как объяснить подобное *сальто-мортале*?

В этом нам может помочь заметка сербского поэта Йована Дучича из Иерусалима в День плача евреев, перед Стеной плача, пока он смотрел как там плачут евреи со всего мира, и за себя и за других:

«...Меня поистине потрясло это странное зрелище. Я вспомнил наш сербский плач по Косову и по царству славных Неманичей. Поэтому я лучше, чем остальные европейцы, почувствовал слезы этих несчастных сынов Израиля, которые все-таки в мире сделали больше добра чем зла. Но я также задался вопросом: где же найдут свою достаточно большую Стену плача мои православные братья русские, чтобы выплакаться о том, что им

в стране и в душах, совсем безвинных, разрушили солдаты Карла Маркса, пострашнее легионеров императора Тита, разрушителя Иерусалима».

А нам только остается стремиться поспособствовать созданию новой элиты, непродажной элиты, для которой главной ценностью в жизни будет не прибыль, или сейчас настолько переоцененные и мистифицированные «интерес» и «рынок», где торгуют и тем, чем никогда не торговали, а прибыльнее всего разными формами «мертвых душ»; а будет святая триада Истина, Добро и Красота. И так как, по точному выражению моего уважаемого русского друга, выдающегося философа, оба наших братских народа тяжело ранены и находятся под оккупацией, то нам остается вместе и в катакомбах (ведь нынешние государственные институты преимущественно таковы, что лучше держаться подальше от них) – посвятить себя этой задаче.

Можем же и мы сказать, лишь немного парафразируя заключительное предложение «Тихого Дона», эта задача – *это все, ... что пока еще роднит нас с русской землей – со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром.*

Об авторе

Драгомир Давидович родился 5 августа 1944 года в деревне Врба в Герцеговине. Отец погиб на войне в 1945г. Он был четник. Это монархическое антифашистское движение. По окончании войны мать с 4 детьми, три сына, одна дочь, переехала в небольшой городок Ада на севере Воеводины. Там в 1962 году окончил среднюю школу (гимназию) и поступил на электротехнический факультет в Белградский университет, который окончил в 1967 г.

В 1972 г. Защитил диссертацию по теоретической физике.

После окончания Университета и до сих пор работает в Институте ядерных наук «Винча». Работал по приглашению в Университете г. Белфаста (два года с перерывом), в Физико-техническом институте им. Иоффе в г. Ленинграде (один год). Участвовал во многих международных школах и конференциях. В течение последних 10 лет сотрудничает с Физическим институтом им. П.Н. Лебедева РАН.

Кроме родного сербского языка владеет русским, английским, французским и немецким языками.

Наряду с работой в области теоретической физики занимается переводами на сербский язык современной русской философской и политической литературы. Им были переведены и напечатаны в Сербии работы таких авторов как С.С. Хоружий, А.С. Панарин, Е. Ю. Гуськова, Н.А. Нарочницкая, В.Г. Распутин.

Член Научного общества Сербии.

Женат, имеет троих детей.